

18+

Людмила Андреева

Когда уходишь ты...

Людмила Андреева

Когда уходишь ты...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63374337

ISBN 9785005181640

Аннотация

Страницы дневника юной девушки день за днем отражают окружающий мир, неведомый для здоровых людей. Чем живут и дышат инвалиды... Тетрадь порой становится единственным свидетелем переживаний, выпадающих на долю неизлечимо больного человека. Сомнения, радости, тревоги – все доверяют ей, даже то, что умалчивают в разговоре с самым близким человеком. Дневниковые записи – часто единственное откровение перед собой.

Когда уходишь ты...

Людмила Андреева

Посвящаю своим друзьям.

© Людмила Андреева, 2021

ISBN 978-5-0051-8164-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Перед вами дневник юной девушки.

Его страницы день за днем отражают окружающий мир, неведомый для здоровых людей. Чем живут и дышат инвалиды...

– Тетрадь порой становится единственным свидетелем переживаний, выпадающих на долю больного. Сомнения, радости, тревоги все доверяют ей, даже то, что умалчивают в разговоре с самым близким человеком. Эти дневниковые записи часто единственное откровение перед собой.

17 октября.

Я снова нахожусь в институтской клинике. В окружении незнакомых людей. Под их изучающими взглядами чувствуешь себя не очень-то уютно, и очень хочется плакать. Первая попытка наладить контакт с жителями 223-й палаты не удалась. Чтоб хоть как-то отвлечься и занять себя, села писать.

В палате – семь человек. Если по порядку, как находятся кровати от двери, то будет так: двенадцатилетняя Оля, шестнадцатилетняя Марина, Лена – ей девять лет. Наде – четырнадцать. И, вероятно, самая старшая – Нина. Я лежу между Надей и Ниной. Как я заметила, Олю почему-то недолюбливают, а вот почему – не могу понять... Все в нашей палате лежат «с ногами», большинство с аппаратом Илизарова. У Нины такой аппарат на бедре правой ноги. Марине и Оле это еще предстоит. Дина косолапила, теперь ее нога полностью в гипсе, а Лена и Надя с ДЦП, как у меня, но в более легкой форме. Лена ходит сама, а Надя с костылями. Я вот написала, а сама думаю, что навряд ли скоро привыкну. ... Меня, судя по всему, встретили недоброжелательно. Не могу понять, чем я им не понравилась, или их настораживает мое единственное средство передвижения – кресло-коляска (я не могу самостоятельно ходить). Обидно, смотрят на меня как-то недовольно, вроде бы говоря: А я все делаю сама. Слезы так и подступают, как бы не зареветь – вот будет номер! *в нашей ну вот, положили ту, за которой особый и индивидуальный уход нужен!..*

Мы с Лидой (моей близкой подругой), вчера просидели почти полдня – смеялись и грустили, разговаривая, вспоминали наши детские и школьные годы, строили планы, исходя из того, что неопределенное время мне придется провести в больнице... У меня много подруг, но она мне всех дороже и ближе, и, к слову, еще наши матери дружили.

Из палаты я почти не выхожу, пока стесняюсь... да и – в первый же день моего пребывания дежурит медбрат. Среднего роста, смуглый и черноволосый, вероятно, студент медицинского института. Смотрит так, будто хочет сказать:?. Когда меня только привели в отделение (я в этой клинике лежу повторно, это было года четыре назад), познакомилась с одной девчонкой из К*, Ирой зовут. Лежит она на обследовании: что-то с ногой, хромота. Вроде бы девчонка ничего, хорошая. Недавно заходила сюда, ко мне, и мы поговорили немного.

повезло а это что за птица такая

Скоро отбой. Нина куда-то ушла, и без нее все стало как-то разговорчивее. Видно, тиранит она тут всех. К Марине пришла Света из соседней палаты, сидят, разговаривают о разном. Несколько раз заходил медбрат, гонит Свету, а она и в ус не дует.

Заметил, что я сижу и пишу.

– Спать надо... укладывайся!

Я это пропустила мимо себя. Малыши улеглись, Нины нет, Марина со Светой сидят, а я жду, когда потушат свет.

18 октября.

Вчера несколько раз заходил в палату медбрат, гнал от нас Свету.

И, наконец, выйдя из терпения, сказал:

– Девчонки, ну, в самом деле, спать пора, уже десять!.. – и мне: «А ты долго еще сидеть будешь?.. раздевайся!»

Я не очень-то любезно (а что он в самом деле!):

– Как же, сейчас прямо все и сниму... – и отвернулась.

Это, видно, его не смутило. Такого попробуй смути! Сам кого угодно в краску вгонит!

– Ну, я свет потушу, смотрите у меня...

– Выключай, Саш, он нам не нужен! – крикнула Марина, когда он уже закрыл дверь.

Свет потух, и вдруг Света спрашивает у меня:

– Тань, а у тебя есть жених?

Я удивилась:

– Зачем тебе это?

– Просто так. Есть?

– Ну... допустим.

– А у меня в армии. А у тебя?

Я смолчала. Говорить не хотелось. А она все сыпала и сыпала свои вопросы, так что я, не выдержав, сказала:

– Давай не будем на эту тему говорить, а?..

Потом по очереди вслух читали стихи.

Сразу после завтрака пришла мой врач Лидия Константиновна (Л.К.). Она и тогда, когда я лежала тут впервые, лечила. Наш палатный врач – Сальников Сергей Семенович, симпатичный и молодой. Но ко мне он не имеет никакого отношения, лечить меня будет единственная и неповторимая Л. К.!

– Ты в палате-то сиднем не сиди, выходи в коридор и не стесняйся, тут все больные. Будь смелее, увереннее! – ободрила меня она. – А тут тебе не дует от окна? Может, те-

бе лучше перелечь?

– Да нет, не надо. Мне здесь хорошо.

Но все же, когда я вернулась из процедурного кабинета, где сдавала кровь, с удивлением увидела Надю на своей кровати, а свои вещи, сложенные на аккуратно заправленной ее постели... На мой недоуменный вопрос «как это понимать?» – ответила лишь пожатием плеча и словами:

– Так велели.

Так что теперь мое место в середине, между Леночкой и Надей, в простенке между окнами. Да, но мне, увы, не нравится. Это получается, что меня считают тепличным растением?.. *такая забота*

Длинный коридор, а по обе стороны – палаты. Столовая с телевизором и пианино находится рядом, что очень удобно. Прямо у нашей палаты находится второй медсестринский пост.

Познакомилась с некоторыми девчонками, и среди них Ленка Шайтанова – сумбурная девица тринадцати лет. Лежит она в соседней палате, ждет операции. И постоянно находится (а вернее сказать, вертится) здесь, у нас. Вот и сейчас она тут, подобно трещотке болтает о чем-то своем. Я тем временем написала Лиде письмо. А в воскресенье, наверняка, придет моя подруга Ольга.

В библиотеке (по вторникам здесь бывают работники детской библиотеки, и, книги соответственно детские – сказки, рассказы, прочитанные мною ранее) заказала Блока, обеща-

ли принести.

20 октября.

Ну, что – вроде живу, привыкаю. Скучаю очень, хоть и знакома со многими. Трудно что-то стало находить общий язык с другими, видно, сказываются года, проведенные в четырех стенах в одиночестве. Ежедневно бывают стычки с Маринкой из-за Леночки. Кричит на нее, а та, бедненькая, аж вся сжимается. *почти*

Говорю ей, что так нельзя, а она кричит:

– Не заступайся! Дай им, малявкам, только волю, они на шею сядут! Вот пройдет время – сама убедишься во всем и еще спасибо скажешь...

Да, из нее выйдет «отменный» – опасно таким доверять детей, испортят. В конце-то концов, нельзя идти на поводу у своего настроения. Дети подобно лакмусовой бумажке проявляют наши пороки, реагируя на них частенько не в лучшую сторону. Это своеобразная ЭВМ, – что в нее заложишь, то и выдаст, да еще при том в таких комбинациях – потеряешь дар речи! Конечно, Маринка единственная дочь у родителей, больна, избалована без меры... ой, опять я спешу с выводами! Сколько раз говорила себе, чтобы не торопилась осуждать человека, не узнав его хорошо! Так же нельзя!.. это-то и губит меня. Но, что теперь делать, раз я такая... – остается только исправляться. *педагог*

23 октября.

Как и ожидала, сегодня пришла Ольга. Ее ко мне еле про-

пустили, лишь после того, как она назвалась моей сестрой. Надо будет у врача для нее попросить пропуск. Мы тут раньше вместе лежали, подружились и все эти годы переписывались. А в мае этого года она была у меня в гостях.

Выходные дни в больнице (а сегодня воскресенье), особенно тянутся и кажутся бесконечными. В тихий час я немного вздремнула, что со мной бывает крайне редко, и девочки мне доложили о том, что по мне ползал таракан. Меня от отвращения всю передернуло: их тут великое множество, и частенько они вылазят из своих щелей даже при свете дня, не боясь найти свою погибель.

Я их боюсь, но не до такой же степени, чтоб как наша Нинка, посреди ночи вскакивать и, цепенея от ужаса, страшным шепотом на всю палату орать:

– Ма-ари-инка, т-т-та-ара-акан!..

И бедная, взлохмаченная сонная Маринка встает, берет тапку и шлепает к противоположной стене, где находится Нинкина кровать. Слышится глухой шлепок о стенку и возня – ищут труп таракана и отодвигают кровать от стены на безопасное расстояние в том случае, если тот успел скрыться. Тогда Нинкин покой (да и наш тоже) нарушен. То и дело раздаются громкие вздохи и восклицания:

– Боже, на мою голову!.. мама рдная, я теперь не усну... о

Наконец, измученная этим, Маринка раздраженно говорит:

– Да ладно тебе, Нин, кончай! Не съест же он тебя!..

В большинстве случаев после этих слов палата погружается в долгожданную тишину. Это-то ладно, терпеть еще можно. Но когда тараканы умудряются попасть и в без того безаппетитную больничную еду – супы, щи и в разные другие блюда, включая макароны, подливу и котлеты, – то уже до того отвратительно, что мало кто притрагивается к своей порции. В большинстве утром довольствуемся булочкой с маслом и чаем, в обед еще смотрим, что дают, если же что-то, то многие жуют так, будто заставляют есть под угрозой расстрела. Но стоит кому-то отодвинуть, подозрительно молча и тихо свою порцию – все сразу равняются на него. На ужин эта история повторяется. Живем, можно сказать, впроголодь, и лишь на домашних запасах. В выходные дни наезжает многочисленная армия родственников – посетителей и наши холодильники набиваются всякой всячиной, которая уничтожается в течение рабочей недели. Живущие вдалеке в наличии имеют деньги – можно делать знакомым заказы на продукты питания. Так и живем, отравляя, друг другу жизнь (имею в виду тараканов). Ну вот, получилась целая «сага о тараканах...» *съедобное*

С самого первого дня, началось мое усиленное лечение – бываю в зале лечебной физкультуры, на различных процедурах, глотаю таблетки и микстуры, делают сразу по три укола (правда, бывало и больше...), – живого места на мне скоро, боюсь, не останется.

26 октября.

Ох уж этот Саша! Какой у него нехороший взгляд. Смотрит так, что кажется, буравит тебя насквозь глазами – так и хочется спрятаться. Сегодня снова его дежурство...

Ко мне приехала мама, и мы пошли в ванную, а оттуда выходит такой на костылях, с аппаратами Илизарова на обеих ногах, мокрый и растрепанный!.. – ну прямо настоящий «мокрый петух» (потом, мне девочки сказали, что это Петя Азаматов)! Я еле подавила смех в себе – нехорошо. А он встал на пороге и, смотрит ошалелыми глазами. Когда мы с мамой, наконец, зашли в ванную, – там настоящий потоп! – воды налито... ужас! Обратно шли – Саша буквально сверлил взглядом. Ей-ей, если он на каждую девочку так смотрит, то у него скоро вместо глаз дыры будут, протрет! – в этом я уверена. *детины ни туда и ни сюда*

Про Азаматова мне вот что еще девочки рассказали. Когда он возвращался из армии домой, автобус, в котором он ехал, попал в аварию. Где-то около года провалялся парень в больнице, а потом его отпустили с аппаратом на ноге домой, отдохнуть. Не поняла, то ли на обратном пути, то ли когда из больницы ехал, – этот автобус будто опять перевернулся, Азаматов сломал и вторую ногу. К тому же, от сильной боли, у него, говорят, в голове помешалось. Не знаю, что тут правда, а что вымысел, но Азаматов и правда производит впечатление не вполне нормального. ...Все в коридоре шарахаются от него в разные стороны, никому не хочется получить от него костылем по голове (он при мне замахнулся

даже на медсестру). Да и когда он ходит по коридору, во все горло орет похабные песни. Его все боятся, включая молоденькую врачиху Варнакову, ведущую ту палату, где лежит Азаматов. Только заведующий отделением Введенский имеет на него какое-то влияние.

30 октября.

С Наташей сидели, болтали на нашем постоянном месте, у окна – в конце коридора. Там стоят два кресла. Интересная женщина, она работает воспитателем в детском саду. Ей лет под тридцать, незамужняя. Но, видно, что ... Лежит с переломом руки. Ольга пришла к часу, когда раздавали обед, и очень обиделась, что мама не зашла к ним. Оставила подробное описание, как до них доехать, и взяла с меня обещание, что в следующий раз мама обязательно к ним зайдет. Я еще похвалилась – показала, как я стою. *тeртый калач*

Летом, когда мы были на консультации в столице, нам сказали, что я больше не встану на ноги (а в детстве я могла придерживаясь ходить), что это все... И, чтоб моя болезнь не прогрессировала дальше (я иначе вообще не буду вставать с постели!), посоветовали проходить по два курса лечения в год по месту жительства... Удивляюсь сама, как я это перенесла. Ни на миг меня не оставляло ощущение пустоты, безысходности, безразличия ко всему. Какого же было удивление мое и Л.К., когда я, буквально через неделю моего пребывания здесь, стала стоять, чуть придерживаясь за тумбочку или спинку кровати. Это стало настоящим чудом, на ко-

торое я и не надеялась. У меня появился проблеск надежды, и мне очень хочется удержать ее. Но как? Ведь она мелькнет и тут же исчезает в недоступной дали. Дразнит и смеется...

В тихий час, незаметно для себя, немного вздремнула. Хотела встать, а меня будто током прошило: на мою левую (а точнее опорную) ногу невозможно было наступить. Я чуть было не расплакалась от боли и обиды. *здоровую*

А Нинка злорадно заметила:

– Не надо было хвастаться перед подружкой!.. Вот теперь будешь знать! Наука!..

Эти слова я пропустила мимо ушей. Попросила девчат позвать медсестру, а оказалось, что на нашем посту дежурит Саша. Он и пришел, расспросил, ощупал ногу.

– Ну что, надо думать, растяжение. Лежи.

Все же какой у него взгляд нехороший, наглый. От такого лучше на всякий случай держаться подальше, на расстоянии.

31 октября

Очень скучаю по дому, хорошо хоть немного письма разведают грусть. Одно или два почти каждый день получаю от знакомых, подруг...

Незадолго до отъезда я проколола уши, теперь они почему-то загноились. Ужас! Я хотела у медсестры попросить спирт, чтоб их обработать, но меня напугала Нинка.

– Медсестры вредные, не дадут, да еще отругают, подумают, что ты тут проколола... ведь у тебя серьги маленькие, в глаза не бросаются. Да и ты почти всегда с распущенными

волосами – золото не сразу разглядишь, – в ее голосе была слышна ирония. – Их врачи ругают, если они больным уши прокалывают... Ты лучше у Саши попроси. Он даст, если, конечно, попросить. *хорошенько*

Она выделила это слово «хорошенько», без комментария стало ясно, как именно надо попросить. Нет уж, милочка, спасибо за совет, но у него я просить не буду. Из принципа. Как он, так и я. Что это я буду о чем-то его просить, а он мне нервы мотать?! Как недавно было: сильно болела голова, а температуры не было. Пошла, просить таблетку цитрамона или анальгина к нему (он снова был на нашем посту), так он меня замучил своими вопросами.

– А зачем?.. а почему?.. а кому?.. у тебя ведь температуры нет, – еще раз измерил ее у меня, удостоверился. – Ну что, нормальная. Не дам.

Вот. Ну, как с ним еще разговаривать?.. Тогда, после его слов, у меня начисто отпала охота с ним общаться, и я, повернувшись, ушла. Весь оставшийся вечер лежала, мучаясь головной болью. Таблетки он мне так и не дал, такой вредный тип, каких я еще в своей жизни не встречала.

А сейчас было такое!.. не пойму, как только я решилась и откуда у меня взялось столько смелости.

Ленка Шайтанова возила меня по коридору (в палате у нас проветривали). На посту, возле нашей палаты, сидел медбрат богатырского телосложения (Саша рядом с ним просто спичка!). О нем я много слышала, но до сегодняшнего вечера

не видела. У него круглое татарское лицо, он – как и Саша – черноволосый. На вид лет двадцать пять, а может, и больше. О том, что с откровенным интересом следит за мной, мне тут же сообщила Ленка. Она болтала с ним запросто, как впрочем, и со многими другими, пока я смотрела телевизор. Потом подошла Надька Погодина (господи, как она мне тут, в палате, надоедает со своими вопросами и любопытством!) и начала канючить...

– Та-ань, ты не будешь меня ругать?

– Ну, чего еще натворила?

– А ты скажи, не будешь?

– Не знаю, смотря что...

– Я валерьянку пролила.

– Молодец!.. – я вздохнула облегченно, ничего страшного не произошло, просто мне не придется пить эту гадость.

– Я сейчас у Кости попрошу.

– Ты что, не надо!..

И все равно пошла к нему...

Медбрат подошел ко мне и, улыбаясь, спросил мою фамилию. Мне пришлось у него на глазах пить валерьянку, будь она тыщу раз неладна! Я потом у Шайтановой спросила, даст ли он спирта, если попросить. А она сразу потянула меня к нему.

– Кость, вот, с тобой хотят поговорить.

Чувствуя, как мои щеки заливают жар, была готова плюнуть на все, но отступать уже поздно. Ладно, Ленка была

рядом. Теперь, когда это все позади, все кажется смешным, а тогда было не до смеха.

– Костя, а вы не можете мне дать немного спирта?

– Ватку со спиртом?

– Нет, спирт.

Он посмотрел на меня... *так*

– А для чего?

– Надо...

– Ну надо, а для чего?

Я беспомощно смотрю на Ленку, боясь проговориться, сказать правду – кто его знает, как он отреагирует. И, упавшим голосом, проговорила:

– Если не можете дать, так и скажите...

– Нет, дать-то я дам, но ведь должен же я знать – для чего?

– Ну надо. Не надо было б, я бы и не просила...

– Нет, ну для чего? – тут он, видимо, почувствовал мое желание повернуться и уйти. – Я должен это знать. А то вы напьетесь и, будете на все отделение песни распевать... – все это время он смущенно улыбался и на его лице горел румянец.

– Можете не беспокоиться, я не пью, – теперь настала моя очередь смущенно улыбнуться, и через мгновение я услышала:

– Сколько?

Он мне дал полмензурки и перелил его в пузырек. Я теперь живу!

1 ноября.

Сегодня возвращаясь с рентгена, ехала обратно по соседнему отделению взрослой травмы одна. Было страшновато. Несколько раз слышала, как кто-то окликал меня по имени (а меня ли?..). Уже возле двери на площадку я обернулась – какой-то парень с аппаратом Илизарова на руке, махал мне (а мне ли?..) здоровой рукой.

Я уехала. Кто это, интересно...

Сказала Сальникову о больном зубе. Пришла врач-стоматолог, посмотрела и говорит, что дупло маленькое, залечат. Только когда?

7 ноября.

Праздник. Скучно, прямо тоска зеленая, делать совершенно нечего. Сажу по вечерам в коридоре, у окна. В палате не хочется. Тесно мне тут почему-то. Здесь все такие наблюдательные. Глазами, кажется, прямо душу выворачивают. Одна Надька Погодина чего стоит! А дотошная до чего! Все-то ей надо знать! Иной раз такие вопросы задаст, что просто диву даешься. Угловатый некрасивый подросток маленького роста, на вид ей десять лет с трудом дашь. Некрасивая? Да, пожалуй: один ее большой рот чего стоит. Но при большом желании в ней можно найти немало привлекательного. Иногда я ловлю себя на том, что люблю Надькиной нескладностью и некрасивостью. Наверно, это звучит довольно-таки нелепо. Но, я действительно люблю ее, что-то в ней есть от той, какой она может стать лет через пять,

а то и меньше. Ну и что, что она некрасива и больна! Она ведь человек прежде всего... У Заболоцкого есть такие стихи про некрасивую девочку:

Иногда мне кажется, что это про Надю. Хотя тут более трагичная реальность... Как будет ей тяжело, когда в ней проснутся первые чувства... Она из многодетной семьи. Отец пьет и скандалит. Ее это очень угнетает. По ночам, бывает, слышен ее шепот: «Господи, только бы все было хорошо!» И у меня сердце сжимается: «» – это дома. И ее глаза такие порой печальные... *там там*

Поразительно, что бывает люди, испытавшие одну и ту же боль, страдания, трудности и лишения судьбы, имеют разные взгляды на жизнь. Они совершенно по-разному видят одни и те же вещи, по-иному понимают и осознают реальность. Одни ожесточаются, замыкаются в себе, радуются чужой неудаче и боли. Другие живут, инертно плывя по течению и, если их не остановить, так и будут «плыть», живя по принципу: Это хуже, чем равнодушие... А третьи пытаются помочь всем и вся. И, несмотря на многочисленные синяки и шишки, полученные в так называемых , остаются на всю жизнь с наивными, открытыми душами и с добрыми, милосердными сердцами. Только позови – и, сразу же, хоть и самих подкосил недуг, несмотря на жестокие удары и плевки (порой даже от своих братьев по несчастью), ринутся на помощь. И вообще, бывает, одно смешано с другим, и очень трудно понять – где истинная, настоящая дружеская

рука, а не осторожный лицемер, ханжа и невежа, выжидающий лишь удобный момент... я знаю, что это плохо и больно, но чем могу помочь я?.. лучше не тревожить себя! битвах за справедливость

Сейчас пришла Нинка. Через минуту опять начнет ныть:

– Фу, задыхаюсь, дышать нечем! Таня опять обрабатывала уши духами!.. надо открыть форточку... ну ты же прекрасно знаешь, что у меня аллергия!

Да, все мы прекрасно знаем, что у нашей Ниночки нет аллергии только на французские духи. ...Но я не виновата, что мне (да и другим тоже) не дарят таких, а самим покупать – бюджет не позволяет, и приходится довольствоваться тем, что есть. Наподобие моих духов «Киевский каштан». Почти все девчата душатся ими из-за их приятного запаха. И чего она? Завтра дежурит Костя, надо будет попросить еще немножко спирта...

Дни тянутся отвратительно медленно. Многое успела передумать за это время, все в памяти перебрала... Наверное, я все же сама виновата в том, что все получилось так. Кто же еще?.. горько... Горько, что для Максима я, вероятно, ничего не значу.

Вот такие вот пироги.

8 ноября.

Сегодня дежурят Марина Боброва и Костя. Марина, как и Костя, студентка – подрабатывает «на жизнь». Она очень хорошенькая, чем-то напоминает мою соседку по дому Лю-

бу. Марина высокого роста, у нее круглое и всегда веселое, симпатичное лицо, на затылке – неизменный, волнистый хвост, аккуратно собранный заколкой «банан». Голос такой мягкий и добрый, да и вся она как-то сразу располагает к себе. С ней можно обо всем на свете поговорить... Точно так же, как и Люба, она искренна и проста в общении. Дома мы с Любой проводили вечера за игрой в шахматы (правда, больше, чем на две партии, меня не хватало...), или же, подсаживался папа, и мы играли в карты, в неизменного «дурочка»... А тут лишь общение развеивает больничную скуку. Вот и Косте удалось вытянуть из меня многое и без обаяния. И чего это я с ним разговорилась – не пойму. Обычно я сижу у нашего поста, и телевизор видно, и от палаты как бы не отхожу. Костя сидел рядом. Слово за слово – вытянул из меня все: кто я и откуда, ну и про себя рассказал достаточно. Он учится на пятом курсе мединститута, изучает лечебное дело. Родом из области (откуда точно – в голове не удержалось), мать работает воспитательницей в детском садике, в семье он самый младший.

– Да у меня ведь друг – твой земляк, мы учимся вместе. Его мать – ветеринар, а отец на машзаводе работает. Я у них прошлым летом был в гостях, красивые у вас там места... лес, речка, здорово!

Когда Костя при разговоре смущенно улыбается и краснеет, то становится похож на из мультика про Чипполино. Между прочим, точнее сравнения не придумаешь! И вид

у него представительный, солидный... *сеньора Помидора*
16 ноября.

Лида прислала письмо, написала, что видела Максима, что у него никого нет, никуда вообще не ходит, постоянно сидит дома. Я не могу понять, почему Максим со мной так? Ведь сам написал мне: «... давай не будем играть в кошки-мышки...» а теперь сам играет в молчанку. Ох, и ненормальная же я, зачем отказалась тогда от встречи, зачем?.. «Нам надо встретиться, поговорить... мне многое надо сказать, но я не хотел бы доверяться бумаге, ненадежная это штука...» Полгода прошло после этого письма. И ни слова больше. Почему? Если и впрямь Максиму надо было встретиться со мной, тогда почему онэтого не добивался? Не буду же я, позабыв обо всем, зватьего сама. Это некрасиво для девчонки, тем более для больной... Нет, лучше ни о чем не думать. Мне казалось, что, может, тут я смогу забыть Максима а вот, наоборот, из головы не выходит. Прямо наваждение какое-то! Говорят, что клин клином вышибают, если хочешь забыть одного – полюби другого. А я не могу так, наверное, по натуре я однолюбка и поэтому не могу хотя бы увлечься другим. ,

Когда читала Лидино письмо, разревелась... Девчонки забеспокоились, утешали в один голос. Саша зашел, так его из палаты выставили. Ох, девчонки, знали бы вы, как мне тяжело, но что я могу сказать вам? Что плачу от безответной любви, из-за собственной глупости?.. Как совсем некстати

появляются слезы, выдавая нас и наши чувства, наши печали и горести.

23 ноября.

Кончилась моя «зубная эпопея» окончательно.

Вчера собралась было писать домой, но зашла дневная палатная медсестра Света и велела мне пересесть с кровати в коляску.

– А куда?

– К зубному. Не боишься?

– А чего бояться-то, не в первый раз.

Я пересела в коляску, и она меня вывезла в коридор. Там стояли два высоких студента. Я как-то вначале и не обратила на них внимания: стоят и стоят, полно их тут ходит, практикантов из мединститута.

А Света поочередно у всех нас троих спрашивает, знаем ли мы, где находится зубной кабинет, и, получив отрицательный ответ, говорит:

– Ну, я вас до рентгенкабинета доведу, а там уж сами...

Пройдя через соседнее отделение, мы дошли до лестничной площадки. Тут, Света, сказав, что зубной наверху, ушла.

Один студент (который потом меня нес) сказал:

– Сейчас, я схожу, посмотрю, где этот кабинет находится.

Через несколько минут вернулся обратно, поднял меня на руки и понес, как невесомую пушинку.

Он нес меня четыре лестничных пролета, и я как бы плыла, не чувствуя веса своего тела. Мне только было стыдно

и неловко чувствовать его дыхание на своей щеке, а он лишь сильнее прижимал меня к себе. Я с ужасом думала об обратном пути. На него я не могла смотреть: у меня пылали и щеки, и уши. Когда мы пришли, врач сказала, что до третьего этажа можно добраться на лифте, и велела им (студентам) поднять коляску на этаж выше. Я облегченно вздохнула.

После осмотра моего зуба и бормашины, оказалось, что мой зуб пуст, что пломба в таком зубе не будет держаться долго. Я предложила удалить зуб вообще.

– А не жалко?

– Что его жалеть!.. – и... пожалела, увидев шприц с длинной иглой. Но отступить было поздно.

Уколов я боялась с самого раннего детства. Хорошо еще в обморок от страха не упала. Правда, все было сделано отлично, мой страх не стоил и ломаного гроша. Я ничего не почувствовала.

Зашли студенты, и тот, который меня нес, опять поднял меня.

– Давай, теперь я понесу...

– Нет... я сам, она совсем легкая...

А я снова будто плыла, и мне было уже совершенно безразлично, что его лицо было недопустимо близко к моему... Посадив меня в коляску, он как-то с сожалением вздохнул, а другой, вроде как бы обиженно сказал ему:

– Ну, давай, я хоть повезу...

...И кто знает, куда бы они меня завезли, если б я вovre-

мя не опомнилась! После этого только и было слышно перед каждой дверью: – куда? направо, налево? – а я только пальцем показывала в нужном направлении.

В отделении я их поблагодарила и сказала, что дальше я могу сама. Но они «конвоем» сопровождали меня до самой палаты. Минут через десять в палату зашел Сальников.

Увидев на моем лице жалкую ухмылочку, он с улыбкой спросил:

– Чего улыбаешься?

Я пожала плечами.

– Зуб удалили?

Я кивнула головой.

– Ну и ладно.

Девчонки начали расспрашивать. Я в двух словах рассказала, как испугалась длинной иглы и чуть было не упала от страха в обморок.

25 ноября.

Мне восемнадцать... Это и много и мало. С одной стороны, я уже взрослый человек, а с другой... кто я? – Существо, обреченное на такое вот прозябание. И вообще-то я себя совсем не чувствую взрослой. Робость, неуверенность в себе и своих поступках... И мир. Мир такой огромный и сложный; как его понять, как в нем найти свое жизненное место? И как, найдя его, удержаться, не дать другим более сильным и наглым сбить себя с него... В нашей жизни все так сложно, что понять все это сможет только побывавший в шкуре неиз-

лечимо больного человека. Я игнорирую слово инвалид. Оно коробит душу. И, вообще, здоровые относятся к нам так, как будто ни нас, ни наших проблем не существует. Обидно... А все «блага» в виде вроде как из снисхождения дают, после чего даже кусок хлеба и тот поперек горла встанет. Выйдешь на улицу, так на тебя смотрят как на какое-то чудовище, так что хочется поскорее спрятаться. Вот и сидишь в четырех стенах своего дома, стыдясь себя сидящей в коляске, в своем единственном средстве передвижения. Живешь как бы «на птичьих правах» между небом и землей... и так всю жизнь, прямо... *льгот бег с препятствиями*

Что я видела, кроме больничных стен...

А Саша опять сидит в нашей палате. Маринка видать, мне назло, его привечает. А я стараюсь как можно меньше бывать в палате по вечерам... бываю у девчат из 237-ой или сижу у окна.

Наташа мне вчера про Сашу говорит:

– Хорошенький мальчик. И чего ты его невлюбила... холостой, двадцать два года, учится на четвертом курсе и будущий хирург. Не парень, а клад по нынешним временам...

Ну уж это слишком! Меня нисколько не волнует его внимание, как это говорит Наташа. *повышенное*

26 ноября.

Я почему-то не поверила ему, а он пришел. И Ленка со мной была согласна. Кстати, она-то и увидела, что пришел Костя. Он принес для меня книги и журналы. Как-то я по-

жаловалась, что тут со скуки на голове ходить начнешь, нигде не найдешь нормальную литературу почитать и, к слову, без всякой задней мысли, спросила, не посоветует ли он мне что... И он мне предложил свои услуги. Я согласилась. Тогда-то мне Костя и сказал, что в субботу зайдет с книгами.

Я так рада! А Наташа психует, говорит:

– Я его попросила, так он мне ответил, что нет времени.

А тебе вон сразу...

Девчонки тоже удивляются, то и дело подкалывают меня этим. Честно говоря, я и сама не думала, что он всерьез тогда пообещал.

Пожалел, наверное...

28 ноября.

Вчера приезжала мама, а сегодня была Ольга. Мне так перед ней неудобно, принесла всего... Да еще мама привезла, так что тумбочка набита битком. Месяц можно всей палатой питаться.

Открыв принесенную коробку конфет, заставила съесть силой сразу несколько штук. Увидев Сашу (он несколько раз зашел в 245-ю палату, а она находится буквально где мы сидели) велела позвать его.

Когда он подошел к нам, она протянула ему коробку:

– Угощайтесь, пожалуйста.

Он начал отказываться, ломаться, но я строго посмотрела на него.

– Бери, иначе обижусь!

Оля хочет, чтоб мы подружались, но я своего отношения к нему не изменю. Он меня раздражает, а причину этого я объяснить не могу. Он мне просто противен. Девчата говорят, что тон, каким я разговариваю с ним, ядовит... от него может прокиснуть не то что молоко, но и человек. Они прямо боготворят Сашу и не любят Костю. Оно и видно, – вокруг Саши постоянно толпа девчонок, а Костя всегда один. По их мнению, Костя слишком правильный... ну уж не знаю, правильный он или нет, но для меня Костя терпимее, что ли...

29 ноября

Однажды, по радио передавали письмо одной больной девочки, где она просила передать благодарность своим учителям и одноклассникам за то, что навестили ее в выпускной вечер, принесли цветов и дали ей почувствовать, что и она является равноправным членом их коллектива. Я тогда слушала и плакала, вспоминая выпускной вечер. Школа находится недалеко от нашего дома, и я видела как нарядно одетые одноклассники шли на выпускной бал. В открытое окно была слышна музыка, и я под нее молча роняла слезы, боясь, что их увидит мама... Помню, преподаватель истории (ветеран войны и бывший директор нашей школы) всегда перед началом своего урока на дому передавал мне привет от одноклассников, а я хоть и понимала, что это говорит он от себя, всегда радовалась, мне было приятно... Не скажу, что ко мне вообще не ходили одноклассники. Три девочки из клас-

са, в котором я была записана, почти каждый год весной поздравляли меня с днем рождения. Приходили еще соседские девочки, Лида, и получалось нечто вроде праздника... *свой*

Да и когда был последний звонок, девочки пришли, посидели. Как выяснилось потом, их послала учительница. Вот и все мои контакты со школой, не считая посещений учителей-предметников. Хотя, есть у меня одно светлое воспоминание о моих первых школьных годах, о нашей первой с Лидой учительнице. Так получилось, что учила она и меня один год (Лида была тогда в третьем классе) – тогда-то я и была в тесном контакте с классом Лиды. Учительница посылала за мной учеников, и мама, одев потеплей, сажала меня на санки, после чего, мы всем классом шли в зимний лес на экскурсию, а после писали сочинение. В такие дни учительница проводила «совместные» уроки – я свободно отвечала на любой вопрос, заданный ею третьекласснику, что, конечно же, сразу ставилось в пример... А еще были праздничные утренники. Это был незабываемый мой первый класс. К счастью, нам с Лидой есть что вспомнить. Сентиментальное «а, помнишь?..» бесконечные воспоминания приятны и дороги для сердца и души... Отними у меня сейчас это – и все в моей жизни станет еще более тусклым и безрадостным. Не помню кто, но очень точно сказал, что самые светлые воспоминания у человека бывают о своем детстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.